

А.В. Алейников

СТРУКТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОНФЛИКТНОЙ СОПРЯЖЕННОСТИ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация: Эволюция российской системы «бизнес-власть-социум» рассматривается через выделение доминантного размежевания являющихся следствием структурных изменений в обществе и культурной динамики или базовых социокультурных культурных различий. Конфликт как негативный способ взаимодействия, в результате которого субъекты взаимодействия нацеленные на борьбу, сохраняют или изменяют своё положение в социуме или каком-либо ином объединении людей. Выделены два основных уровня анализа – онтологический, типологизирующий конфликтные ситуации, их структуру, свойства и особенности, которые остаются инвариантными и операциональный, представляющий совокупность приемов конфликто-разрешения выработанных и используемых в рамках данного типа общества, набор стереотипных сценариев конфликтного поведения. Основываясь на классической работе А.Хиршмана, описаны стратегии конфликтного взаимодействия бизнеса и государства и их «генетическая» связь с предшествующими состояниями российской институциональной системы, выделены типологизирующие черты российской модели конфликтов и операциональный уровень приемов и сценариев конфликто-разрешения. Анализируя структурные предпосылки конфликтной сопряженности бизнеса и власти, в статье выделены ее следующие режимы функционирования – директивный, функциональный и коммуникативный и основные черты, атрибуты и идентификационные признаки российской специфики бизнеса.

Ключевые слова: Политология, бизнес, власть, конфликт, Россия, трансформации, сопряженность, социум, коммуникация, стратегия

Проблемой в исследовании конфликта власти и бизнеса является не столько наличие конфликта, который заложен самой их природой, сколько российская специфика его уровней и форм, механизмов и способов разрешения, что, как писал А.С.Пушкин, «требует другой мысли, другой формулы». Тютчевская формула порочного исследовательского круга «умом Россию не понять» – этот изысканный интеллектуальный прикол удобен, но отсылка к нему отнюдь не помогает осмыслению российских социально-политических реалий.

Российская трансформационная модель оказывается, говоря словами Дугласа Норта «отрезвляющим примером того, как может работать человеческое стремление к созданию преднамеренно структурированного общества» и может служить примером

наиболее поразительного случая «умышленно вызванного, быстрого распада государства во всей человеческой истории»¹. При этом «тройной переход» (к демократии, к рынку и к «открытому» обществу) сопровождается усилением конструктивных напряженностей в политической, экономической и социальной сферах. С.Льюкс характеризовал эти процессы как «системные искажения» или «перекосы»². Причина такого положения вещей заключается в сложности самого предмета исследования – российской инсти-

¹ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом Гос. ун-та-Высшей школы экономики, 2010, С.23,17

² Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд/ М.: Изд. дом Гос. ун-та-Высшей школы экономики, 2010

туциональной системы. Следовательно, надо сменить оптику и посмотреть на предмет издали, когда виднее *внешняя* история предмета: какой глубины и длительности течения конфликты дают процессу трансформации смысл, выявить *противоречия* и внутреннюю (имманентную) *конфликтность* развития и эволюционного усложнения российских социально-политических систем. Мощным *«ресурсом возможных описаний»* (Макс Вебер) трансформаций общества является использованный Марксом прием дихотомии, т.е. выделения двух основных сторон конфликтного противоборства. Надо сменить оптику и посмотреть сегодня на эволюцию российской системы «бизнес-власть-социум» через выделение доминантного размежевания, устойчивых «разломов» (Джон Хигли), «кливажей» (Стейн Роккан и Сеймур Липсет), «социальных трещин» (Арнольд Тойнби), являющихся следствием как структурных изменений в обществе так и культурной динамики или базовых социокультурных культурных различий.

Несомненно, процессы российских трансформаций многоплановы и полиаспектны и представляют, говоря словами Р.Коллинза, «запутанный многосторонний процесс конфликта на нескольких фронтах»³. Несмотря на значительное число научных и научно-популярных работ по этой теме, проблемы системного размежевания и ее роли в структурировании социальной и политической жизни изучены недостаточно. Кроме того, сам концепт конфликта используется не только в научном дискурсе, но и в повседневном обиходе, при этом несогласованность исследовательских позиций усугубляется многозначностью словоупотребления и злоупотребления понятием «конфликт» как в обыденной жизни, так и в политическом языке. Нарастание эффективности *исследований доминантных размежеваний как основы конфликтологической модели социума* предполагает выход за рамки некоторых, весьма устойчивых, особенно для отечественных, исследований, теоретико-методологических посылок и поиска новых, более адекватных способов концептуализации российского контекста.

Следовательно, потребность в новых, более адекватных самой сути наблюдаемых формах российских конфликтов становится сегодня одним из наиболее серьезных вызовов для исследователей. Настоящая работа нацелена на выявление существу-

ющих пробелов в области конфликтов бизнеса и государства и рассмотрение имеющихся стратегий ликвидации таких пробелов.

При этом, вряд ли можно говорить о сплошных слепых пятнах в рассматриваемой тематике при наличии серьезных предметных разработок, являющихся довольно твердым основанием для исследовательской работы.

Санкт-Петербургская школа конфликтологии, основные системы координат которой сформулированы проф. А. И. Стребковым, рассматривает конфликт как негативный способ взаимодействия, в результате которого субъекты взаимодействия нацеленные на борьбу, сохраняют или изменяют своё положение в социуме или каком-либо ином объединении людей⁴. Необходимо отметить, что разломы и конфликты связаны с долговременными процессами, обладают определенной инерционностью и не могут быть прекращены по повелению власти. Р.Дарендорф отмечал, что «в то время как общее объяснение структурной подоплеки всех социальных конфликтов невозможно, процесс развертывания конфликтов из определенных состояний структур, по всей вероятности, применим ко всем их различным формам»⁵. Методология обнаружения доминантного размежевания, диагностирования основной для конкретного этапа трансформации общества линии конфликтного противоборства обозначена им так: «Конфликт является великим стимулом перемен, и нашей задачей в мире, в котором перемены представляют собой единственную надежду, должно быть обуздание конфликта с помощью правил, посредством конституции свободы»⁶, «с философской точки зрения трудно разглядеть, какие могут быть модели общества, не относящиеся ни к равновесному, ни к конфликтному типу»⁷. По Дарендорфу, «необходима как

⁴ Много интересных соображений высказано в новейших разработках. См.: *Стребков А.И., Алдаганов М.М.* Особенности развития и состояние отечественной конфликтологии. К постановке проблемы. // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2011, вып. 23, С. 181-207.; *Стребков А.И., Бондарев В.Г.* Социально-трудовой конфликт как критерий зрелости самосознания российских наемных работников // Конфликтология. Ежеквартальный научно-практический журнал, 2012, №3, С. 126-146

⁵ *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142

⁶ *Дарендорф Р.* После 1989. Размышления о революции в Европе. М.: Ад Маргинем, 1998. С. 41

⁷ *Дарендорф Р.* Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002 С. 358

³ *Коллинз Р.* Четыре социологических традиции. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009, С. 101

равновесная, так и конфликтная модель общества; и может быть, в философском анализе у человеческого общества всегда два лица, наделенных одинаковой реальностью: одно лицо – стабильности, гармонии и консенсуса, а другое – изменения, конфликта и принуждения»⁸. Очевидно, что конфликтная модель общества определяется структурным контекстом, социальной средой, « т.е. тем или иным типом общества. Разные типы обществ генерируют разные типы политических конфликтов»⁹.

Эти базовые установки делают интересным выделение двух основных уровней анализа. Первый – онтологический, типологизирующий конфликтные ситуации, их структуру, свойства и особенности, которые остаются инвариантными. Вопрос заключается в следующем: какова конфигурация институтов, которая позволяет обществу находить адекватные ответы практически на любой вызов? «Коммуникативный ответ на отклонение и тематизация, – пишет Н. Луман, – этого отклонения в рамках социальных систем называются конфликтом. Все социальные системы потенциально конфликтны. Варьируется лишь степень актуализации этого конфликтного потенциала, которая, в свою очередь, зависит от степени дифференциации систем и общественной эволюции»¹⁰.

Таким образом, конфликт – это следствие неадекватных («негативных» в терминологии А.И. Стребкова) ответов на вызовы. Конфликтные модели разграничиваются по разным типам взаимосвязей между вызовами и ответами и разными стратегиями преодоления социального дискомфорта, типов поведения в конфликте. Следовательно, речь о наличии в обществе институциональной обеспеченности интегрирующих механизмов, сочетании условий, позволяющих компенсировать или нейтрализовать структурные конфликты внутри социума.

Второй – операциональный, совокупность приемов конфликто разрешения выработанных и используемых в рамках данного типа общества, набор стереотипных сценариев конфликтного поведения.

Традиционные теории не в состоянии объяснить, почему так неодинаково и неожиданно приживаются фундаментальные, социальные институты в трансфор-

мирующейся России, а не принимаются массовыми слоями населения характерные для Запада ценности и идеалы бизнес-деятельности, которая в российских условиях приобретает совершенно новые и не укладывающиеся в известные образцы и модели, а отношения общества, бизнеса и власти имеют качественно иную композицию и превращенную систему координат. Массовое признание неукладываемости социальных реалий российского бизнеса в известные схемы фиксируется и политической элитой, пытающейся выдвинуть гипотезы и концепции, которые по-новому описывают содержание и причины структурного дрейфа бизнеса в России с точки зрения тех или иных общих закономерностей и представлений. Симптоматична в этой связи позиция Владислава Суркова: «Дело тут скорее в навыках, в представлении о жизни. Чем занималось поколение современных предпринимателей? Оно делило, участвовало в перераспределении как раз наследства СССР. Их поведенческий мотив прост – надо найти что-то и заполучить. Российский бизнес на сегодня не породил ни Фордов, ни Эдисонов, ни Биллов Гейтсов. Наш бизнес живет не за счет создания новых продуктов и технологий. Он все еще живет в значительной степени перераспределением и эксплуатацией не им созданной собственности. И это не его вина. Это специфика исторического момента»¹¹. В условиях особой институциональной среды, когда взаимоотношения государства и бизнеса строятся на основе неявного, асимметричного, избирательного перераспределительного контракта, бизнес может руководствоваться несколькими стратегиями взаимодействия с государством.

В классической работе А.Хиршмана¹² они описаны как выход (exit) и голос (voice). Стратегия («опция») выход проявляется в том, экономический или политический агент, неудовлетворенный условиями функционирования, голосует ногами, выходит с данного рынка, а власть вынуждена искать способы исправления ошибок, заставляющих людей голосовать ногами. Стратегия («опция») голос предполагает, что агенты стремятся воздействовать на рынок(власть), сообщая о своем недовольстве и стремясь к с изменению правил, приведения их в соответствие со своими интересами. Очень важно, что для Хиршмана обе опции являются видами конфликта, протеста и должны использоваться

⁸ Там же

⁹ Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика(теоретико-методологический анализ). М.: ЛИБРОКОМ, 2010, С. 53.

¹⁰ Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001, С. 14

¹¹ Сурков В. Обновляйтесь, господа! // Итоги, 2009, №44 (698)

¹² Хиршман А.О. Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое издательство, 2009.

как «механизмы восстановления». При этом, соотношение «голоса» и «выхода» сильнейшим образом зависит от деталей институционального механизма и, в свою очередь, объясняет уровень развития внутренней демократии¹³.

А.А. Яковлев¹⁴ пишет о том, что в 90-х годах у российских компаний преобладали две стратегии, аналогичные стратегиям Хиршмана.

Первая стратегия – дистанцирования от государства – выражалась в неуплате налогов и перемещении активности в теневой сектор экономики. Вторая стратегия – тесного взаимодействия с государством – проявляла себя в захвате государства, присвоении трансформационной ренты (state capture). На начальном этапе реформ, в условиях слабого государства, обе стратегии приобретали неформальный характер. В XXI веке эти стратегии, с точки зрения ученого, приобрели более публичный и формальный характер.

«Дистанцирование» от государства будет выражаться в легальной интернационализации бизнеса (включая продажу пакетов акций иностранным инвесторам, прямые российские инвестиции за рубежом и т. д.). Взаимодействие с государством станет более эффективным в тех случаях, когда бизнес сможет перейти от традиционного индивидуального лоббирования собственных интересов к осозанным коллективным действиям, направленным на обеспечение условий для устойчивого экономического развития в своих секторах, отраслях и регионах¹⁵.

Характер государства проявляется во взаимоотношениях с бизнесом и другими хозяйствующими субъектами. В этой связи представляется значимым для нашего исследования выделение трех моделей государства – «невидимой руки», «помогающей руки» и «грабящей руки», которые были разработаны А. Шляйфером и Т. Фраем¹⁶. Согласно их тео-

рии, выделенные типы отличаются правовой средой и административным регулированием.

Модель «невидимой руки» характеризуется тем, что правительство не стоит над законом, следует установленным правилам, его регулирующая функция минимальна, контракты защищены судом, коррупция слаба.

Для «помогающей руки» характерна агрессивная помощь государства избранным бизнес-структурам, при этом правительство, используя власть для этой помощи, стоит над законом, контракты защищаются государственными чиновниками, а коррупция носит организованный характер.

Наконец, в модели «грабящей руки» правительство, стоящее над законом, использует власть для получения ренты, грабительское регулирование осуществляется многочисленными полусамостоятельными государственными институтами, коррупция дезорганизована, контракты защищаются не правовой системой, а мафией. Таким образом, если государство не решает задачу урегулирования конфликтов гарантированным исполнением контрактных прав и обязательств, то бизнес-агенты вынуждены решать ее сами, обеспечивая надежность договоренностей неформальными средствами и обыгрывая друг друга в игре влияния.

Известно, что определенные институциональные схемы имеют тенденцию время от времени повторяться. Рассмотрение особенностей «генетической» связи российской системы «бизнес-власть-социум» с предшествующими состояниями или, как любил формулировать Ю.В. Перов, «постижение собственной современности в ее историческом измерении»¹⁷, наполнено историческими и современными иллюстрациями тезиса В.Г.Белинского. 165 лет назад он в письме Н.В.Гоголю характеризовал Россию как страну «где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей»¹⁸. Здесь важно то, что необходимы и неформальные институты, сочетание ожиданий убеждений и ценностей, рутиниза-

¹³ Хиршман А.О. Указ.соч.,С.84

¹⁴ Яковлев А.А. Эволюция стратегий взаимодействия бизнеса и власти в российской экономике //Российский журнал менеджмента. Том 3, №1,СС. 27-52.

¹⁵ Там же. – С. 27.

¹⁶ Frye, T., Shleifer, A. The Invisible Hand and the Grabbing Hand. [Электронный ресурс] // American Economic Review. URL: (<http://papers.nber.org/papers/W5856.pdf>). (дата обращения: 03.02.2012); Shleifer, A., Vishny, R The Grabbing Hand: Government Pathologies and their Cures. [Электронный ресурс] // Harvard University Press. URL: (<http://ez2www.com/go.php3?site=book&go=0674358872>). ((дата обращения: 03.02.2012);

¹⁷ Перов Ю.В. Историчность и историческая реальность.СПб, 2000.

¹⁸ Письмо В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю от 15 июля 1847 г. [Электронный ресурс] // Русская литература и фольклор. URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-5002.htm> (дата обращения: 03.02.2012).

ция практик повседневного взаимодействия, обеспечивающих позитивное и конструктивное разрешение и урегулирование конфликтов, придание взаимоотношению сторон конфликта структурированного и прогнозируемого характера. Если они не сложились, то изменение формальных правил не может привести и не приведет к желаемым последствиям, иллюстрацией чему может служить борьба с коррупцией в российской истории. Технологии и форматы политических мер блокируются убеждениями, артикулированными Н.В. Гоголем: «уже мимо законного управления образовалось другое правление, гораздо сильнеее всякого законного. Установились свои условия, все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность... И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставлением в надзиратели других чиновников»¹⁹.

Здесь особенно актуальным становится то обстоятельство, что государство, посредством политико-административной консолидации политических элит и использования неформальных институтов властного доминирования, добилось переформатирования социального контракта власти с бизнесом, проявляющемся в отказе последнего от отчетливых гражданских предпочтений в обмен на включение в систему управления и коррупционные сети государственно-бюрократических институтов. Российский бизнес, особенно в его части, выигравшей от приватизации, заинтересован, как это ни парадоксально, в сохранении существующего порядка неэффективного управления, потери от которого компенсируются политическим влиянием. Отсутствие соперничества с властью в области выработки и предложения обществу стратегических решений поощряется властью созданием тактических предпочтений, лояльным отношением к лоббированию корпоративных интересов при обсуждении тактических решений органов власти.

Точно так же надо учитывать, что особенности распада советской административной системы определили специфический политический дизайн становления российского бизнеса, заключающийся в существенно большем объеме трансформационной ренты, острой борьбе за ее захват и значительной роли федерального центра, несмотря на его «слабость» в ее

распределении²⁰. Вместе с тем необходимо отметить, что власть параллельно решала и вторую задачу — ограничения доступа иностранных инвесторов к ключевым российским производственным активам, которые, при их оставлении под контролем национального капитала удалось реструктурировать в экономических агентов, способных к принципиальной конкуренции на мировом рынке.

Таким образом, онтологическими, типологизирующими чертами институциональной среды российской модели конфликтов бизнеса и власти являются:

- неразвитая судебная система в условиях развития крупного производства и на фоне ужесточения условий ведения бизнеса в настоящее время эволюционирует в сторону возрастания доверия к судебной защите «бизнеса от бизнеса» и к контрагентам на фоне падения возможностей политически неангажированных бизнес-структур и отстаивания в суде своих интересов в спорах с государством;

- использование крупными предпринимателями рычагов непосредственного влияния на государственную власть с целью создания своему бизнесу режима наибольшего благоприятствования нейтрализуется самой властью путем «захвата бизнеса»;

- невероятный размер личных состояний нескольких десятков бизнесменов в России является своеобразной платой за их услуги по сохранению и структурному преобразованию ряда ключевых отраслей экономики на фоне ликвидации крупных промышленных предприятий в посткоммунистической Центральной Европе;

- специфической чертой постсоветского бизнеса, в условиях слабости и уязвимости правовой системы, является «приятельский» бизнес как совокупность таких отношений внутри бизнес-сообщества и с внешним властным полем, при котором, по Пьеру Бурдьё, «каждая группа агентов стремится поддерживать свое существование с помощью постоянной работы по установлению привилегированной сети практических связей... мобилизуемых для ежедневных житейских потребностей»²¹;

- становление подобной модели российского бизнеса было фактором негосударственного вытеснения из сферы крупного предпринимательства организован-

¹⁹ Гоголь Н.В. Мертвые души. Т.2. [Электронный ресурс] // Gogol-book.ru URL: <http://gogol-book.ru/gogol16.php?i=0> (дата обращения: 03.02.2012).

²⁰ Яковлев А. А. Эволюция стратегий взаимодействия бизнеса и власти в российской экономике // Российский журнал менеджмента. 2005. Т. 3. № 1. с.30

²¹ Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. с. 325

ной преступности и явного криминала, угрожавшего человеческой жизни и свободе. Сам бизнес, используя и направляя государственные ресурсы, создавая собственные системы безопасности, существенно уменьшил «бандитскую» составляющую в защите приобретенных прав собственности. Однако, и государство, и бизнес, оказались не готовы к формированию оптимального институционального окружения, к созданию демократических процедур политико-правовых условий защиты от взаимных «захватов». С другой стороны, бизнес стал использовать власть как несущий элемент конструирования конкурентного преимущества, включая использование государственных ресурсов для ослабления или экономического уничтожения своих конкурентов;

– компрометация и криминализация правил, норм, установлений экономического и политического бытия, приписываемая зарождению российского бизнеса, является, однако, общей проблемой посткоммунистического развития, синдромом перехода от отсутствия многих элементарных законодательно оформленных естественных норм поведения к созданию правового пространства частной и публичной жизни при одновременном падении моральных постулатов;

– культивируемая в обществе «народная ненависть» к бизнесу, особенно крупному, приводит к расколу и конфликтам в обществе, а не к формулированию приемлемого нравственного смысла бизнеса, способного сгладить противоречия и поддержать декларируемое общественное единство. Власть, демонстративно отделяя бизнес от публичной политики, подвергает сомнению безусловную правомерность предпринимательской активности, способствует неприятию большинством общества успехов активного меньшинства. Андрес Ослунд, анализируя динамику народных чувств, отмечает, что «чем больше человек начинает заниматься реальным производством, тем большую ненависть он вызывает... Людей больше всего задевает то, что видно невооруженным глазом. Когда миллиарды утекают из государственной казны, это происходит незаметно для общества. А вот когда олигархи перестают воровать и начинают что-то делать сами, тут-то они выходят из тени на всеобщее обозрение. Заводы-то не спрячешь»²²;

– нравственная нелегитимность российского бизнеса, активы и ресурсы которого воспринимают-

ся обществом лишь как знак социального статуса, основание неадекватного образа жизни, приводят к трактовке бизнеса как «деятельности по деланию денег» любыми, в том числе аморальными и нереальными средствами.

Российская же действительность переконструирует социализацию бизнеса, его включенность в общественные отношения, в клановость, а понимание общности судеб – в корпоративную сплоченность для своих.

Еще В. Г. Белинский констатировал: «Я сказал, что не годится быть государству в руках капиталистов, а теперь прибавлю: горе государству, которое в руках капиталистов. Это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война и мир значат только возвышение или упадок фондов, и дальше этого они ничего не видят. Торгаш, по натуре своей, есть существо пошлое, дрянное, низкое и презренное, цель жизни которого – нажива. Поставить пределы этой наживе невозможно. Торгаш не может иметь интересов, не относящихся к его карману. Для него деньги не средство, а цель»²³.

И в постсоветской России оказывается вновь востребованной теория разумного эгоизма, декларирующая, что «служение только себе оказалось единственно полезным делом для страны в целом»²⁴. Двоемыслие, по Дж. Оруэллу, есть способность одновременно держаться двух противоположных убеждений. Вот и российский предприниматель, подобно оруэлловскому партийному интеллигенту, «знает, в какую сторону менять свои воспоминания; следовательно, сознает, что мошенничает с действительностью: однако при помощи двоемыслия он уверяет себя, что действительность осталась неприкосновенна. Этот процесс должен быть сознательным, иначе его не осуществишь аккуратно, но должен быть и бессознательным, иначе возникнет ощущение лжи, а значит, и вины... Говорить заведомую ложь и одновременно в нее верить, забыть любой факт, ставший неудобным, извлечь его из забвения, едва он опять понадобился, отрицать существование объективной действительности и учитывать действительность, которую отрицаешь, – все это необходимо»²⁵. Политическая значимость бизнеса определяется не продуктивностью или образцово-

²³ В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1977, с. 177

²⁴ Эксперт. 2001. № 23 (18 июня). С. 61.

²⁵ Оруэлл Дж. 1984 .М.: РИК «Культура», 1992, С.201

²² Ослунд А. Сравнительная олигархия: Россия, Украина и США // Отечественные записки. 2005. №1 (22).с.7

стью его достижений, не участием в репрезентации ценностей социума, а аффилированностью с той или иной группой чиновников. Обладая важнейшим стратегическим потенциалом, бизнес в России инновационно неавантюристичен, не имеет или имитирует собственные политические амбиции и чаще всего непосредственно включен структуры власти.

Характерно, что на подобную социально-историческую специфичность российского бизнеса – *генетическую политическую трусоватость* – обращал внимание Макс Вебер в своих статьях о России 1905–1906 годов: «Крупный капитал и банки были единственной стороной, помимо самого чиновничества, кто был заинтересован в господстве бюрократии под прикрытием псевдоконституционализма, при условии, что им дадут возможность бесконтрольно делать деньги и ликвидируют “зубатовщину”... Крупные капиталисты, конечно, всегда будут против Думы вместе с бюрократией, они пожертвуют при этом всеми своими формальными правами»²⁶. Анализируя исторический генезис российского предпринимательства, исследователи отмечают: “Чем вступать в конфронтацию с существующими институтами, традициями и силами, русские коммерсанты предпочитали маневрировать вокруг и между препятствиями, максимизируя свои возможности, повышая свой статус и уровень безопасности”²⁷.

Современный российский автор В.П. Макаренко, исследуя творчество английского историка П. Джонсона, выделяет его концепт «заинтересованного лакейства», т.е. взаимосвязь материальных интересов, социальных установок и политических идей, обеспечивающую извлечение пользы и привилегий из политических деклараций. Клир извлекает пользу из религиозных иллюзий. Этатистские взгляды бизнесменов-«государственников» не мешают им скрывать доходы и уклоняться от налогов²⁸.

Разумеется, было бы непростительной самонадеянностью безапелляционно требовать от акторов российской политики понимания таких инструмен-

тальных возможностей адекватного разрешения политических конфликтов, как, например, честность. Напротив, используются все возможности «отрицания и сокрытия конфликта ложью, обманом, ложными символами»²⁹. И здесь нет ничего нового – но современная модель искусства улаживания конфликтов строится на гештальте, говоря словами Сократа, понимая *и ограничения* лжи и криводушия в политике. Но отдельные правила, нормы, рутинные процедуры и практики, из которых складываются различные институты конфликто разрешения и институциональная среда конфликтов в целом должны строиться на взаимном сдерживании «противопоставленных интересов». Дэвид Юм называл этот принцип «равенством сопротивлений», Георгий Гачев – «взаимной дополнительностью», а Михаил Гефтер – «равнозначностью».

Александр Секацкий, анализируя типичные коллизии коллективного бессознательного, выделяет две группы манинвезов («moneyvroses») – невроз экзистенциальной импотенции, при котором реальностью является только то, на что не хватает денег, и невроз постыдного благополучия, при котором самовозрастающие деньги становятся несовместимыми с нормальным социосамочувствием гражданина. Поэтому бизнес делает все, «чтобы походить на здорового члена общества. Но при этом ускользание от налогообложения остается могучей силой денежных потоков. А новые зоны приватности дают выход сладострастию»³⁰. Отсюда – и призыв российского бизнеса к «патриотизму».

Вновь обратимся к концепции «верности» А. Хиршмана, понимаемой им как «особая привязанность». Он пишет: «Как правило, «верность» закрывает возможность «выхода» и понуждает использовать «голос». Нужно признать, что, когда ход дел в организации вызывает недовольство, человек может сохранить «верность» и не будучи лично влиятельным, но только при условии, что сможет рассчитывать на то, что *кто-нибудь* возьмется за улучшение ситуации или случится *нечто*, что приведет к этому. Знаменитая формула «верности» «права она или нет, но это наша страна» явно не имеет никакого смысла при наличии уверенности, что «наша» страна вечно будет творить преступления... В этом высказывании кроется надежда, что после

²⁶ Вебер М. О России: избранное. М.: РОССПЭН, 2007. с. 70–71

²⁷ Baron S.H. Entrepreneurs and Entrepreneurship in Sixteenth/Seventeenth Century in Russia // Entrepreneurship In Imperial Russia and the Soviet Union. Princeton. New Jersey., 1983. P. 51. Цит. по: Радаев В.В. Указ. соч., С. 169

²⁸ Макаренко В.П. Научно-обывательское знание – интеллектуально-политические моды. // Политическая концептология, 2009, №2, СС. 5-28

²⁹ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007., С. 492.

³⁰ Секацкий А. Изыскания: Статьи, эссе. СПб.: Лимбус Пресс, 2009, С. 300

некоего бесславного деяния удастся опять направить «нашу» страну в должном направлении ... Именно этот намек и надежда, что со временем зло будет исправлено, а справедливость восстановлена, являются главным отличием «верности» от веры. ... «Верность» может оказаться чрезмерной, а в результате возникает такое сочетание «голоса» и «выхода», в котором опция «выход» чрезмерно ослаблена. Во-вторых, следует понимать, что институты, пестующие «верность», не только безразличны к задаче стимулирования «голоса», но зачастую предназначены для подавлений обеих опций — как «выхода», так и «голоса». Хотя в долгосрочной перспективе руководство организаций, конечно же, заинтересовано в действенности обратной связи на основе механизмов «выход» и «голос», в ближайшей перспективе они хотят, чтобы их свободу действовать не тревожили ни бегство, ни претензии членов организации. Поэтому руководство, нет сомнений, заинтересовано в институциональных механизмах, нацеленных на что угодно, только не на получение оптимальной и отвечающей интересам общества комбинации опций «выход» и «голос»³¹.

Характеристики патриотизма российского бизнеса описаны в статье А. Макаркина³². Он включает три элемента: 1) «не апеллировать к Западу во время конфликтов с государством», 2) согласовывать все отношения между российскими компаниями и западными партнерами с государством, 3) «поддерживать власть, когда она предпринимает действия (включая силовые) против кого-либо из участников предпринимательского сообщества – государственные интересы должны превалировать над корпоративными». Кроме того, отметим, что в этой ситуации неизбежны попытки использовать в обыденных корпоративных конфликтах маску государственного патриотизма, превращая их из «спора хозяйствующих субъектов» в борьбу с «антигосударственными и антипатриотическими силами». Маскировка маниевров под «государственный интерес» становится сверхдоходной инвестиционной программой. В блестящей работе В.В. Радаева, представившего социологический взгляд на историю дореволюционного российского предпринимательства, убедительно показано, что тремя тра-

диционными столпами мирозерцания российских торговопромышленных слоев являлись «твердая православная вера, преданность семейному делу и безоговорочная поддержка престола»³³.

Таким образом, операциональный уровень приемов и сценариев конфликто разрешения включает:

- получение госзаказов, субсидий с нарушением конкурсных условий, использование государственно-го давления при выборе поставщиков или заказчиков;
- использование государственных ресурсов (финансовых, силовых, интеллектуальных, судебных и др.) для развития “равноприближенного” бизнеса, протекционизм и создание искусственных монополий;
- предоставление налоговых или иных льгот;
- избирательное правоприменение при нарушении хозяйственного законодательства, искусственные банкротства для перераспределения собственности;
- информационное инсайдерское сопровождение, в том числе упреждающего характера о готовящихся нововведениях;
- устранение конкурентов с использованием силовых органов³⁴.

Такая модель, по терминологии В. М. Полтеровича, является «институциональной ловушкой», когда максимизация полезности достигается не рационализированием управления собственностью, а использованием власти как основного источника конкурентоспособности. Задачей государственного аппарата в данной модели является при этом внедрение такой структуры собственности, при которой достигается наиболее высокая возможность извлечения ренты. В результате сложилась известная ограниченность и подчас невозможность реального управления предпринимателями собственными активами без использования административного ресурса и согласования с «заинтересованными органами». Это обуславливает повышенную рискованность тех инвестиций, которые не учитывают реальных отношений власти и бизнеса по поводу распоряжения собственностью. В особенности инвестиционный риск возрастает при игнорировании теневых силовых компонентов административного ресурса.

³¹ Хириман А. Указ. соч., СС.78,90.

³² Макаркин А. Государство и бизнес: новые правила игры. [Электронный ресурс] // Политком.ру. Информационный сайт политических комментариев. URL: (<http://www.politcom.ru/2003/pvz289.php>). (дата обращения: 03.02.2012)

³³ Радаев В.В. Два корня российского предпринимательства: фрагменты истории // Мир России, 1995, №1, С.167

³⁴ Барсукова С.Ю. Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания. Препринт WP4/2006/01. М.: ГУ ВШЭ, 2006

В концепции Дугласа Норта «порядок ограниченного доступа характеризуется господством социальных взаимоотношений, организованных при помощи личных связей, включая привилегии, социальные иерархии, законы, которые применяются не ко всем одинаково, незащищенные права собственности и распространенное представление о том, что не все люди были созданы равными»³⁵. Отсюда – неэффективная в долгосрочном периоде эксплуатация объектов собственности вследствие неуверенности в незыблемости прав собственности; ограничение конкуренции; искажение информации о товарах и услугах в отсутствие возможности установления конкурентных рыночных цен, ограничение стимулов к инвестированию, ущемление прав субъектов, не принадлежащих к элитным группам. Ключевой характеристикой такой социальной системы признаётся нерасчлененность власти и собственности, при которой обладание богатством детерминировано отношениями субъекта собственности с властью³⁶.

Таким образом, можно сделать некоторые предварительные замечания о структурных предпосылках конфликтной сопряженности бизнеса и власти.

Во-первых, бизнес и власть зависят друг от друга и действия каждого из них влияют на ситуацию другого.

Во-вторых, возможность власти лишить бизнес контроля над собственными ресурсами является стратегическим компонентом ее доминирования.

В-третьих, для бизнеса предпочтительнее находиться «внутри» поля взаимодействий, а не «снаружи», отказываясь от альянсов формальных и неформальных конфигураций с властью. В таком случае бизнес выигрывает от взаимодействия с властью, хотя в действительности это означает лишь минимизацию упущенных возможностей бизнеса, поскольку выигрыш достигается ценой согласия на доминирование власти.

В-четвертых, влияние на бизнес может осуществлять либо непосредственно власть, либо «менее равноудаленные» бизнес-структуры, на которых возла-

гаются функции «дневного сторожа», «вышибалы на входе» (по аналогии с государством как «ночным сторожем»), регулирующего доступ к ресурсам и допускающего к распределению только тех, кто принимает особые правила игры, поддерживающие систему доминирования власти. Триада «власть-доверенный и уполномоченный бизнес-бизнес» представляется наиболее операционной конфигурацией.

В-пятых, взаимозависимость бизнеса и власти имеет должна асимметричный характер, а их отношения характеризуются неравной степенью уязвимости.

В-шестых, у власти есть достаточно оснований для привлечения бизнеса к открытому участию в выработке и реализации публичной политики. Как писал Ч. Линдблом, «учитывая ответственность, которая лежит на бизнесменах, ... президент был бы глупцом, если бы отказал им в приеме... Он понимает, что для того чтобы система работала, руководство государства должно сплошь и рядом уступать руководству деловых кругов... Бизнесменов нельзя оставлять за дверями политической системы»³⁷.

Принципиальным является предлагаемый нами подход преодоления рассогласования бизнеса и власти как жестко противостоящих друг другу сфер общественной жизни. Л. фон Мизес афористично сформулировал: «Политики, проклинаящие большой бизнес, борются за более низкий уровень жизни... Если военные действия приписываются козням военного капитализма, а алкоголизм – козням алкогольной промышленности, то, чтобы быть последовательным, необходимо приписывать чистоту – замыслам производителей мыла, а расцвет литературы и образования – интригам издательской и полиграфической промышленности»³⁸.

Имманентное стремление власти к доминированию и установлению правил для бизнеса или требования политической лояльности и социальной ответственности, подчиненности в выработке стратегии без формализации всяких правил всегда наталкивались на желания бизнеса защитить от притязаний власти хотя бы часть своего бытия. Власть объективно заинтересована в проведении политики, содействующей, а не препятствующей производству и накоплению. Она вынуждена проводить ее не из-за намерен-

³⁵ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011, с.54.

³⁶ См.: Алейников А.В. Проблемные узлы конфликтов российских трансформаций. Социально-философский контекст // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики №4 (18), 2012

³⁷ Линдблом Ч. Политика и рынки: Политико-экономические системы мира. М.: Изд-во ИКСИ. 2005. с.199

³⁸ Мизес Л. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск, Социум, 2007 с.130

ного давления и волевого принуждения со стороны бизнеса, а в силу имперсональных, структурных принуждений, из страха перед экономическим кризисом, способным деформировать и деструктуризировать ее. Бизнес, при серьезном ограничении властью его предпринимательской свободы, используя ресурс «инвестиционного выбора», способен спровоцировать экономические деформации, влияющие на политический курс вплоть до блокировки неприемлемой для него политики.

Анализ исследовательских установок позволил выделить три основных аспекта (или измерения) моделирования конфликтного взаимодействия бизнеса и власти по следующему набору классификационных критериев: тип организационного дизайна бизнеса и степень институционализации его отношений с властью; способ и степень легитимации бизнеса в обществе; композиция и балансировка отношений бизнеса, власти и социума. По данным признакам можно выделить следующие режимы функционирования конфликтных отношений бизнеса и власти;

-»*директивный*», когда власть принимает форму господства, обеспечивающего выполнение бизнесом приказов и директив (именно это измерение нередко отождествляется с наличными средствами, ресурсами разного рода, дающими возможность властному сообществу осуществить свою волю);

-»*функциональный*», при котором власть предстает как способность и умение реализовывать функцию общественного управления бизнесом как социально-политическим актором, вступающим в определенные отношения;

- «*коммуникативный*», когда власть по отношению к бизнесу реализуется через общение, набор правил, понятных обоим сторонам.

Для директивного режима характерны аморфность бизнеса как политического субъекта, влияющего на выработку политического курса, стратегическое управление собственностью осуществляется доминирующим актором в лице власти, идеологическая легитимация «равноудаленности» бизнеса осуществляется через жесткое манипулятивное воздействие СМИ.

При функциональном режиме бизнес частично автономен, развита система «кормлений», в конкурентной борьбе между бизнес-акторами превалируют административные методы, права собственности размываются властными контролирующими институтами, а в механизмах перераспределения доминируют силовые, но опирающиеся на правовые нормы, ресурсы.

В коммуникативном формате бизнес-акторы независимы от власти, влияя на разработку политического курса через официальные механизмы лоббирования и взаимодействуя между собой по законам рыночной конкуренции, права собственности четко определены и закреплены, в процессах перераспределения доминируют экономические и юридические механизмы.

Применительно к основным чертам, атрибутам, идентификационным признакам бизнеса исследователями высказано мнение о том, что последний в России представляет собой конвертацию бюджетных ресурсов в легализованное вложение и финансирование личных проектов или в государственные ресурсы, во властный статус, в должности в органах власти, в доступ к распределению других ресурсов, в участие в политическом управлении государством³⁹. Таким образом, «элитный» российский слой фрагментирован на группы, находящиеся в состоянии «конфликта доступа» к ресурсам и сверхдоходному бизнесу, сориентированных на создание гипермонополий – в основном сырьевых, низкого передела и коммуникационных, наиболее технологически доступных контролю власти, являющейся одновременно и одним из игроков и институтом конфликто разрешения. Характерной чертой подобной модели является неспособность к устранению системных конфликтов и конструктивных напряжений, неизменное откладывание принципиальных решений “на потом”. (пенсионная реформа – один из штрихов этой картины российских управленческих практик). Отмеченный тренд выстраивания системы управления конфликтами хорошо описывается крылатой фразой из фильма «Белое солнце пустыни»: «Тебя как, сразу прикончить или желаешь помучаться? – Лучше б, конечно, помучаться».

Конечно, нет ни возможности, ни смысла пытаться искусственно запрограммировать будущие процессы и ментальные изменения в российской системе «бизнес-власть-социум». Программой ее серьезного апгрейда, а не тюнинга может быть новая формула цели бизнеса: «не просто зарабатывание прибыли, а создание общих ценностей. И тогда в мировой экономике поднимется новая мощная волна инноваций»

³⁹ Кордонский С.Г. Ресурсное государство. М.: REGNUM, 2007; Алейников А.В. Институциональные российские конфликты: «трагедия соревнующихся невозможностей» // Конфликтология. Ежеквартальный научно-практический журнал, 2012, №3, С. 83-103.

и роста производительности. Изменится сам капитализм и его отношение к обществу. А научившись создавать нужное обеим сторонам, бизнес получит отличный шанс снова обрести легитимность»⁴⁰. Оправдание своего существования перед другими рядоположенными институтами означает для бизнеса беспрепятственный доступ к различного рода ресурсам, а оправдание своего существования перед прежде всего государством, – возможность нормально функционировать, не становясь объектом жестких специфических регуляций. Чтобы стать и продолжать оставаться легитимным, бизнес должен постоянно демонстрировать различные формы своей отзывчивости на требования внешней среды.

Библиография:

1. Алейников А.В. Институциональные российские конфликты: «трагедия соревнующихся невозможностей» // Конфликтология. Ежеквартальный научно-практический журнал, 2012, №3.
2. Барсукова С.Ю. Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания. Препринт WP4/2006/01. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
3. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
4. Вебер М. О России: избранное. М.: РОССПЭН, 2007
5. Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002
6. Зарубина Н. Этика предпринимательства в русской культуре // Отечественные записки, 2002, №4-5.
7. Зудин А.Ю. Ассоциации – бизнес – государство. «Классические» и современные формы отношений в странах Запада: Препринт WP1/2009/05. – М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009.
8. Кордонский С.Г. Ресурсное государство. М.: REGNUM, 2007
9. Линдблом Ч. Политика и рынки: Политико-экономические системы мира. М.: Изд-во ИКСИ. 2005.
10. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007

⁴⁰ Майкл Портер, Марк Креймер. Капитализм для всех [Электронный ресурс] // Harvard Business Review, 2011, №3. URL: (<http://www.hbr-russia.ru/issue/66/2512/print>) (дата обращения: 03.02.2012)

11. Мизес Л. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск, Социум, 2007 .
12. Норд Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011
13. Стребков А.И., Алдаганов М.М. Особенности развития и состояние отечественной конфликтологии. К постановке проблемы. // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2011, вып. 23
14. Хиршман А.О. Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств .М.: Новое издательство, 2009.
15. Яковлев А. А. Эволюция стратегий взаимодействия бизнеса и власти в российской экономике // Российский журнал менеджмента. 2005. Т. 3. № 1.

References (transliteration):

1. Aleynikov A.V. Institutsional'nye rossiyские konflikty: «tragediya sorevnuuyushchikhsya nevozmozhnostey» // Konfliktologiya. Ezhekvartal'nyy nauchno-prakticheskiy zhurnal, 2012, №3.
2. Barsukova S.Yu. Tenevaya ekonomika i tenevaya politika: mekhanizm srashchivaniya. Preprint WP4/2006/01. M.: GU VShE, 2006.
3. Burd'e P. Sotsiologiya politiki. M.: Socio-Logos, 1993.
4. Veber M. O Rossii: izbrannoe. M.: ROSSPEN, 2007
5. Darendorf R. Tropy iz utopii. M.: Praksis, 2002
6. Zarubina N. Etika predprinimatel'stva v russkoy kul'ture // Otechestvennye zapiski, 2002, №4-5.
7. Zudin A.Yu. Assotsiatsii – biznes – gosudarstvo. «Klassicheskie» i sovremennye formy otno-sheniy v stranakh Zapada: Preprint WP1/2009/05. – M.: Izd. dom Gosudarstvennogo universiteta – Vyshey shkoly ekonomiki, 2009.
8. Kordonskiy S.G. Resursnoe gosudarstvo. M.: REGNUM, 2007
9. Lindblom Ch. Politika i rynki: Politiko-ekonomicheskie sistemy mira. M.: Izd-vo IКСI. 2005.
10. Luman N. Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchey teorii. SPb.: Nauka, 2007
11. Mizes L. Teoriya i istoriya: Interpretatsiya sotsial'no-ekonomicheskoy evolyutsii. Chelyabinsk, Sotsium, 2007 .

12. Nord D., Uollis D., Vayngast B. Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva. M.: Izd.Instituta Gaydara, 2011
13. Strebkov A.I., Aldaganov M.M.Osobennosti razvitiya i sostoyanie otechestvennoy konfliktologii. K postanovke problemy. //Veche. Zhurnal russkoy filosofii i kul'tury. 2011, vyp. 23
14. Khirshman A.O. Vykhod, golos i vernost': Reaktsiya na upadok firm, organizatsiy i gosudarstv .M.: Novoe izdatel'stvo, 2009.
15. Yakovlev A. A. Evolyutsiya strategiy vzaimodeystviya biznesa i vlasti v rossiyskoy ekonomike // Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta. 2005. T. 3. № 1.